

Владимир Мальмаков

12+

**Девушка из Нагасаки, или
Куда деваются утки из
пруда в Центральном
парке**

Владимир Мальмаков

**Девушка из Нагасаки, или
Куда деваются утки из
пруда в Центральном парке**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мальмаков В.

Девушка из Нагасаки, или Куда деваются утки из пруда в
Центральном парке / В. Мальмаков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Адвокат Иннокентий Трибулкин каждый рабочий день начинает с прогулки по морской набережной. Однажды летним утром он видит высокую мачту океанской яхты возле причала яхт-клуба, любопытство приводит его к знакомству с необычным капитаном, совершающим не первое кругосветное путешествие. И это знакомство круто меняет его жизнь.

*Слово «мечта»
на «мачту» похоже,
А может быть, это
Одно и то же?*

Е. Григорьев

В то летнее утро Иннокентий Трибулкин заметил высоченную грот-мачту в марине яхт-клуба еще с другой стороны портовой гавани. «Ого!» – сказал он про себя, сбегая по каменным ступенькам широкой пологой лестницы, ведущей к морю от городских построек. Почти каждый день перед работой, если не отвлекали совсем уж срочные дела, Трибулкин совершал утренний моцион по набережной, подковой огибающей акваторию порта. А жизнь этого сердца приморского города замирала только глубокой ночью, и то ненадолго.

Солнце уже окрасило золотистым блеском облака на рассветном, бледно-голубоватом небе, золотом отблескивали и волны, лениво плескавшиеся о камень набережной. Легкий утренний бриз с моря пахнул свежим арбузом, прибрежной тиной и водорослями, выброшенными на берег.

Иннокентий спустился к самой воде, опустил ладонь в волну, провел мокрой ладонью по щекам, не обращая внимания на то, что соленые капли упали на лацканы пиджака – поздоровался с морем. В это время все звуки просыпающегося порта – плеск волн, вскрикивания чаек, постукивание двигателя спешащего куда-то буксира, удар корабельного колокола на каком-то из пришвартованных судов – надолго заглушил длинный прощальный гудок уходящего в море сухогруза.

Оставляя по правую руку нефтяной и угольный терминалы с деловито двигающимися кранами, похожими на гигантских суставчатых пеликанов, Иннокентий миновал рейдовый мол с полосатой башней маяка на оконечности, увенчанного мигающей фонарной призмой. Не спеша прошел мимо пассажирского причала – там стоял белоснежный трехпалубный круизный лайнер, и двинулся дальше – к оконечности, где располагалась марина яхт-клуба с приткнувшимися к длинному пирсу двумя десятками швертботов. И сегодня среди них появилась незнакомая яхта с мачтой, торчавшей на две трети над паутинистым лесом прочих мелких.

В кармане пиджака зазвонил мобильник – недавно приобретенный навороченный айфон. Он с удовольствием пользовался бы обычным кнопочным телефоном без всяких наворотов, однако статус солидного и успешного адвоката требовал, чтобы и мобильный телефон у него был соответствующий. Хотя Иннокентий установил на нем немного дребезжащий звонок-ретро, как у древнего стационарного телефона с диском. Использовать мелодии он давно перестал и забыл, когда пользовался камерой – нечего было снимать. Поглядывая на высокую грот-мачту и продолжая не спеша идти по набережной к пирсу яхт-клуба, Иннокентий достал мобильник.

– Иннокентий Михалыч! Здравсте! – протараторила трубка голосом Лenoчки. – Вы скоро будете?

– Доброе утро, – ответил Иннокентий. – Случилось чего?

– К вам посетитель, – сказала Лenoчка. – Он еще вчера записался.

– Лена, на время посмотри – который час? – спросил Иннокентий.

– Полдевятого, – ответила Лена после некоторой паузы.

– Ну, так рабочий день у нас во сколько начинается? Пусть ждет или приходит после девяти, – сказал Иннокентий и отключился.

Бодрым шагом он дошел до поста охраны яхт-клуба, где на скамеечке возле будки медитировал на утренней прохладе бывший сторож, а ныне сотрудник частного охранного предприятия Пантелей Христофорыч – человек большого жизненного опыта, вследствие чего

приобретший несколько отрешенный, философский взгляд на жизнь. Иннокентий знал Христофорыча с десятков лет, с тех пор, как активно участвовал в жизни яхт-клуба. Правда в последние годы Трибулкин уже не гонял на швертботах и лишь изредка, когда отпускали дела, мог взять яхту напрокат для морской прогулки, но когда утром проходил мимо марины, всегда перекидывался парой слов со сторожем.

– Буэнос диас! – поздоровался Иннокентий.

– Калимэра! – ответил Христофорыч, поднимаясь со скамейки.

– Вижу, новая яхта появилась, – сказал Иннокентий, пожимая ему руку.

– Крейсерская, – сообщил сторож, доставая сигарету и закуривая. – Шкипер списал на берег матроса, говорит – аппендикс у него воспалился. Заодно запас топлива и воды хочет пополнить.

– А можно глянуть на яхту?

– Да иди посмотри, шкипер на борту. Он наших попросил подыскать матроса, а не найдут, так и пойдет дальше.

Иннокентий ступил на пирс и двинулся по дощатому настилу мимо ряда швертботов к высокой грот-мачте. В кармане снова задребезжал айфон. Он достал мобильник, взглянул на дисплей и чертыхнулся – звонила бывшая жена.

– Трибулкин, – сказала она мрачно. – Ты помнишь, что должен приехать и подписать документы на дачу? Или забыл, как всегда?

– Я все помню, Катерина, – сквозь зубы сказал Иннокентий. – Ты ведь там живешь, и никто не собирается дачу у тебя отнимать. Мы вроде по-хорошему обо всем договорились...

– Это так, но с документами мне будет спокойнее.

– Еще раз говорю – приеду через пару дней. Извини, я сейчас занят, – сказал Иннокентий и отключился.

Крейсерская 40-футовая яхта была аккуратно пришвартована к пирсу бортом, а форштевнем в сторону города. На высокой скуле белого стекловолоконного борта красовалось имя – «Aiko». Вооружение бермудского шлюпа – паруса грот и стаксель убраны и аккуратно свернуты, стоячий такелаж натянут и надежно закреплен, палуба, покрытая узкими планками из светлой тиковой доски, сияла чистотой. По многим признакам Трибулкин видел, что *лодка рабочая* – не для легкомысленных круизных прогулок, а для серьезного океанского плавания, и явно побывавшая во многих переделках.

Иннокентий прошел вдоль борта в сторону кормы. В просторном кокпите под полотняным навесом на боковом рундуке сидел шкипер. Перед ним стоял небольшой раскладной столик, на нем упаковка с полдюжиной банок пива, большая красивая раковина, из которой торчали чубуки нескольких трубок, кожаный кисет и еще какие-то курительные принадлежности. Шкипер, могучий, в меру волосатый, покрытый равномерным красноватым морским загаром, был в одних шортах цвета хаки и босиком, но на голове сидела белая фуражка с золотым крабом на околыше, из-под которой спадали на плечи длинные черные волосы с проседью. Короткая бородка тоже имелась – обрамляла широкое горбоносое и черноглазое лицо, на плече – тату китайскими иероглифами. Шкипер курил трубку, выпуская дымные колечки, отхлебывал из банки и рассматривал город, амфитеатром спускавшийся к гавани порта.

– Доброе утро! – поздоровался Иннокентий.

Шкипер оторвался от созерцания города и сфокусировал взгляд на Трибулкине. – Доброе, – прогудел он в ответ.

– Скажите, пожалуйста, а мачта не слишком высока? – почему-то спросил Иннокентий.

Шкипер с любопытством оглядел долговязую фигуру Трибулкина в строгом костюме с галстуком.

– Для океанской яхты в самый раз. Ну, и кроме того, она проходит под всеми важными мостами.

– А какие мосты важные?

– Для меня в мире есть три самых важных моста – Босфорский, Золотые ворота в Сан-Франциско и Харбор-Бридж в Сиднее.

Иннокентий помолчал, потом спросил:

– Далеко идете, если не секрет?

– Кругосветка, – сказал шкипер. – А ты перелезай сюда, – неожиданно предложил он. – Хочу спросить кое-что.

Борт яхты немного возвышался над уровнем пирса, но в кормовой части ограждающего леера не было, поэтому Трибулкин, поколебавшись, легко ступил с причала на деревянный декинг палубы и, минуя большой штурвал начищенной до блеска красноватой меди, оказался в кокпите. Шкипер показал на рундук против себя.

– Присаживайся.

Когда Иннокентий расположился, шкипер достал из упаковки банку и поставил перед ним на столик. В общем-то, Иннокентий никогда не пил с утра, но сейчас он с интересом взял банку и прочел затейливую надпись белым на зеленом фоне: «Very strong ale».

– Спасибо, – сказал Трибулкин, открыл банку, отсалютовал шкиперу и сделал небольшой глоток. Холодное, сладковато-терпкое, вяжущее язык, пиво казалось совсем не крепким и приятно освежало.

Шкипер в ответ тоже приподнял банку, сделал большой глоток, потом протянул широкую, твердую, как доска, ладонь.

– Филипп, – представился он. – Можно Фил.

– Иннокентий.

Он глотнул из банки, потом еще, достал пачку сигарет и спросил:

– Можно закурить, Фил?

Шкипер покосился на сигареты. – Спрячь, – сказал он и достал из раковины одну из трубок. – Попробуешь капитанского табака?

– С удовольствием, – сказал Иннокентий.

Филипп взял со столика нож, в котором оказалось множество приспособлений, достал из кисета щепотку табака, аккуратно набил и утрамбовал табак в трубке.

– Прощу, – сказал он, подавая трубку Трибулкину. – Черешневая, а табак я всегда покупаю в Марселе.

– Спасибо, – Иннокентий взял трубку, после нескольких неудачных попыток все-таки прикурил от длинной спички, затянулся и окутался облачком необычайно ароматного дыма. Он отхлебнул из банки, пыхнул трубкой и даже зажмурился от удовольствия. Ему совсем захотелось идти на работу, потому что было необычайно хорошо сидеть вот так на яхте, беседовать со шкипером, слушать крики чаек и плеск волн, затягиваться ароматным дымом и по глотку пить холодный крепкий эль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.